

Виктор Пронин

Встретимся на очной ставке

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

Встретимся на очной ставке

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Встретимся на очной ставке / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Придя с работы домой, Витя Емельянов застал свою жену в крайне расстроенных чувствах. Более того, Нина рыдала, а последний раз, как он помнил, она вот так безудержно плакала лет двадцать назад, когда выходила за него замуж. Но тогда и причитания, и жалобы на несчастную судьбу полагались по старинному обычаю. Теперь же ничего похожего на свадьбу не предвиделось...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин

Встретимся на очной ставке

Придя с работы домой, Витя Емельянов застал свою жену в крайне расстроенных чувствах. Более того, Нина рыдала, а последний раз, как он помнил, она вот так безудержно плакала лет двадцать назад, когда выходила за него замуж. Но тогда и причитания, и жалобы на несчастную судьбу полагались по старинному обычаю. Теперь же ничего похожего на свадьбу не предвиделось.

Коротко взглянув на жену, Витя не стал ее утешать. Он прошел в ванную, умылся, сменил рубашку, закатал рукава, пригладил перед зеркалом светлые жесткие волосы, протер очки и вышел к жене.

– Слушаю тебя внимательно. – Он опустился в кресло, давая понять, что готов полностью отдаться беде, которая стряслась с Ниной, и ничто не отвлечет его, не помешает поговорить спокойно и обстоятельно. Признайся сейчас Нина в супружеской измене, самой подлой и низкой, Витя остался бы сидеть в кресле, подперев щеку ладонью, и голос его был бы таким же ровным и чутким. Он бы, конечно, удивился, осудил бы поступок Нины, постарался бы уточнить степень ее вины, а уж потом... Но нет, не будем, поскольку это всего лишь предположение.

Комкая мокрый платок и прикладывая его то к глазам, то к носу, Нина сообщила, что с сегодняшнего дня уволена, что она уже не работает буфетчицей при столовой.

– Так, – сказал Витя и склонился в другую сторону, подперев щеку левой рукой. – За что?

– Обвес покупателей, – произнесла Нина и залилась слезами пуще прежнего. Женщина она была чуть полноватая, красивая, хотя и не такая, какой была лет двадцать назад, когда Витя, познакомившись с ней в электричке, проводил ее до дома, представился родителям и тут же посватался. Все опешили, но не отказали.

– А зачем ты их обвешивала? Впрочем, отставить... Почему ты обвешивала их так плохо, что тебя уличили? Ты могла посоветоваться со мной, я бы подсказал, как это сделать лучше. Разве был случай, чтобы я тебе не помог?

– Не обвешивала я! Понимаешь, дурья твоя голова? Не обвешивала! И не собиралась.

– Верю тебе, – кивнул Витя. – Это хорошо, что ты работала без обмана. Обвешивать тружеников – последнее дело. Работать честно – это значит работать грамотно. А при такой работе можно заслужить не только благодарность в книгу жалоб, но и мужу на ужин можно заработать, о чем тебе забывать никогда не следует. Но скажи мне, жена моя, если ты никого не обвешивала, а сняли тебя именно за обвес, как все понимать? Как дальше мне относиться к тебе?

В трудные минуты, когда судьба подставляла Вите подножку, когда жизнь подставляла подножку его жене, а это случалось частенько, Витя невольно, может быть, сам того не замечая, переходил на церемонный, выпренный слог. И не потому, что куражился, хотел показать самообладание, ничуть. Высокопарный слог требует точных выражений, ясного понимания положения, а кроме того, он предрасполагает к неторопливости, позволяющей сосредоточиться и осмыслить происходящее.

– Привезли рыбу. – Едва Нина произнесла это ставшее ей ненавистным слово, она заплакала еще сильнее. – В ящиках... Уже разложенную в пакеты по полтора килограмма. А мне сказали, что в каждом пакете два килограмма... А там было полтора...

Витя встал, прошелся по комнате, постоял перед телевизором и, прибавив звук, подождал, когда скажут счет матча «Днепр» – «Спартак». Убедившись, что «Днепр» выигрывает, Витя убрал звук и снова сел в кресло.

– Не могу я поверить, Нина, чтобы ты, с твоим богатым опытом, смекалкой, с твоей деловой хваткой и предприимчивостью, которые последнее время получают все большее признание в нашей жизни, не могу я поверить, чтобы ты не отличила полтора килограмма от двух.

– Не взвешивала я эту паскудную рыбу! – терпеливо, но с надрывом произнесла Нина. – Она уже была расфасована в пакеты. Покупатели сами брали и подходили ко мне с деньгами.

– Нина, тебе известно, что торговые работники находятся на острие общественного интереса? Это зона особого внимания. Особой опасности. Твоя ошибка заключалась в том, что ты, не проверив полученный товар, начала брать с людей деньги. Деньги! – Витя поднял указательный палец. – А если бы в пакетах оказалась морковь?

– Да ну тебя! – Нина хотела было выйти из комнаты, чтобы в одиночестве предаться своему горю, но вернулась. – Привезли ящики с этой вонючей рыбой за пятнадцать минут до закрытия буфета. Понял? Какая-то у них срочность, спешка, грузчик грозит, что по моей вине пропадает товар, понял? Он вволок ящики прямо в помещение, люди увидели эту поганую рыбу, стали требовать, чтоб я немедленно пустила ее в продажу. А грузчик, Васька-шалопут, нарочно, подлец, ее в зал вволок, чтоб людей раздражить. Там уж кто-то книгу жалоб требует, кто-то уж ручку достает и написать хочет, что я товар утаиваю, что утром его уже не найдешь, пойдет из-под прилавка, понял?! В общем, дрогнула. Притащил мне Васька пять ящиков, и только первый закончился – контроль. Одну минутку, говорят, извиняются, как последние сволочи, останавливают покупателей, берут у них эту рыбу, взвешивают, спрашивают, сколько платили за нее, уточняют цену... А многие брали по два, по три пакета, и получается, что я надула чуть ли не на полтора рубля каждого!

– Продолжай, Нина. Внимательно тебя слушаю.

– А что продолжать? Составили акт...

– Давно это было?

– Недели две назад.

– И ты ничего мне не сказала?

– А чем хвастаться? Надеялась, что обойдется.

– Значит, контроль пришел за пять минут до закрытия буфета?

– Через пять минут после закрытия! В дверях уже уборщица стояла, чтоб никто не вошел. А тут они. Нарочно поджидали, все заранее подстроили, – обреченно произнесла Нина. – Сумели все-таки отомстить, удалось...

Глаза Вити расширились от удивления, но он не торопился произносить слова. Он, еще раз обдумав услышанное, особенно последние слова Нины, выключил телевизор.

– Значит, им было за что мстить?

– Ха! – непочтительно хмыкнула Нина. – Стали бы они со мной связываться!

– Чем же ты им досадила? – спросил Витя, только сейчас начиная понимать, как мало знал о тайных сторонах жизни своей жены.

– А! – Нина так махнула рукой, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Обычное дело... Повалилась к нам в столовую одна мызга из управления. С контролем, с проверкой, посоветовать приходит, как лучше работу наладить. А то и просто...

– Это как?

– Ну что тут непонятного! Придет, пообедает и уходит – сытенькая и довольненькая. Ладно, думаем себе, если дело в этом, прокормим, не впервой. Кое-кого годами кормим, выдержим еще одну нахлебницу. Но ведь до чего настырной оказалась – без гостинца уж и не уходит! То коробку конфет прихватит, то банку сока, да не какого-нибудь – манго полюбила, апельсиновый, ананасовый... Как-то пару колбасин взяла с прилавка, это, говорит, на память о хороших людях, о нас, значит. А мне-то за все это надо отчитываться, расплачиваться, отгавкиваться!

Витя долго молчал, глядя в пустой и холодный экран телевизора с таким напряжением, будто там происходили какие-то важные события.

– Но ведь это нехорошо. – Похоже, Витя впервые за весь вечер растерялся. – С ее стороны...

– С ее стороны это самое настоящее хамство! – отрезала Нина. Многолетняя работа в торговле выработала у нее скорость и четкость мышления. Она не задумывалась, как Витя, над тем, какое слово произнести, как назвать того или иного человека, как оценить его поступки. – И однажды я ее поперла. О! – Она обхватила лицо жесткими ладонями и горестно покачалась из стороны в сторону. – До сих пор удивляюсь, как мне двести шестую не припаяли за злостное хулиганство, до сих пор понять не могу... Приходит эта попрошайка, увидела у меня на витрине коробку конфет, не успела я убрать, не успела, всегда убирала перед ее приходом, а тут оплошала...

– Увидела она коробку конфет, – напомнил Витя.

– Ну что – увидела и в сумку тут же ее сунула. К этому я привыкла, стерпела. Пообедала наша побирушка. Ладно. А жрать здорова, ох здорова! Иной мужик столько не умнет. Опять же кой-чего ей на тарелку не положишь, все отборное... Ну ладно, увидела у меня в буфете чешское пиво. Попросила. Пока я бутылку давала, вторую она сама ухватила. И что-то еще ей на моей витрине приглянулось, уж не помню что... И знаешь, Витя, как пелена глаза затянула. Со мной такое было при первых родах – вроде в своем уме, а ничего не понимаю, ничего не вижу. Но сейчас еще хуже – чувствую, злость во мне клокочет, выхода ищет и никак мне с этой злостью не справиться. У тебя бывает такое?

– Когда как, – уклонился Витя от ответа.

– И так странно – вроде я даже рада, что собой не владею, вроде мне легче от этого. Как если бы ответственность на кого-то другого переложила, а сама делаю что хочу – такое чувство накатило.

– Да, кажется, я могу себе представить, что было дальше. – Витя снял очки и начал тщательно протирать их накидкой для кресла.

– Не можешь! – хрипловато рассмеялась Нина. – Не можешь, – повторила она без улыбки. – Она то попросит, я протягиваю, она на это глаз положит, я протягиваю... Потом спрашиваю, не хотите ли томатного сока? Говорит, не возражаю. Я беру банку, наполняю стакан, хорошо наполняю, без недолива, и с разгону в харю ее ухоженную да разрисованную.

– Ты очень плохо воспитана, – сказал Витя. – Я всегда тебе это говорил, но сейчас убедился еще раз.

– Ты не знаешь, как я воспитана. Я вырвала у нее из рук сумку и... по чем попало. Она в крик, ко мне бегут, но подойти боятся! Дама в двери, я за ней, она чешет по улице, а я на ходу все колочу ее по спине сумкой... Вернулась в столовую и ревела до закрытия.

– А после закрытия?

– Пошла домой, – вздохнула Нина. – С улыбкой на устах. Ты даже ничего и не заметил. Все время ждала, каждого покупателя как родного встречала, чуть ли не до дверей провожала. Ну, не думала я, никак не думала, что Васька-шалопут пойдет на это. Сколько раз, подлец, приходил рублевки кланчить, сколько раз ему, дураку беззубому, пива давала опохмелиться, чекушками баловала... И продал. Его тоже могли зажать, есть за что, но предупреди! Ладно бы просто уволили! Стерпела бы! Не впервой, у меня душа закаленная. Так ведь еще и осрамили перед всем народом. Товарищеский суд устроили, стыдили кому не лень, воровкой обозвали...

– Воровкой? – Витя побледнел.

– Эта попрошайка из управления и обозвала, Панасьева ее фамилия. Тоже пришла на суд. Ох и расходилась она, ох и раскошегарилась... Но о том случае, когда я ее полквартала по улице гнала, – ни слова. Как ничего и не было.

– А кто уволил?

– Начальник треста не побрезговал приказ подписать. Уж как он, бедный, плясал перед ней, как распинаясь, чтоб отметила она его гнев праведный. По статье уволил, не дал по собственному желанию уйти. Панасьева и предложила – дескать, хищение, дескать, злоупотребление... Матафонов и подхватил.

– Матафонов? Это который в нашем доме живет?

– В соседнем подъезде, – проговорила Нина упавшим голосом, словно это и было самым печальным во всех ее злоключениях.

– А теперь, Нина, у меня к тебе последний вопрос, – произнес Витя отчужденно, даже с холодком. – Скажи мне честно и откровенно, не скрывая, не тая... Все, что ты рассказала, – чистая правда?

– Да ты что?

– Отвечай на вопрос!

– Ни словечка не прибавила! Чтоб мне сгинуть на этом месте!

– Это хорошо, – одобрил Витя. – Тогда все проще.

– Что проще? – с опаской спросила Нина, поскольку за последние двадцать лет она изучила своего мужа и знала, что, если у того за стеклами очков хоть на секунду полыхнет голубоватое пламя, быть беде. Жизнь их начинала идти по другим законам, и никто не мог сказать, какие события случатся через час.

Витя поднялся из кресла, так и не ответив на вопрос жены. В прихожей он долго зашнуровывал бесконечные свои шнурки, надевал пальто, потом молча и терпеливо искал коричневый берет, наконец нашел его между сапогами Нины и собственными комнатными тапочками, отряхнул, натянул на голову и вышел. Не было в его движениях ни огня, ни порывистости. Неторопливая походка человека, отработавшего день и решившего перед сном вдохнуть свежего воздуха.

Моросил дождь, асфальт отражал окна домов, и Витя медленно брел по лужам, по желтым листьям. Капельки дождя оседали на его берете, более напоминавшем какой-то колпак, на тяжелом пальто, на крупных очках, но ему это нравилось – сквозь капельки на стеклах очков мир казался непривычно искрящимся, хотя и рваным. Он долго бродил в этот вечер кругами у своего дома, захватывал соседние кварталы, снова оказывался во дворе и, постояв перед ярко освещенными окнами Матафоновых, снова уходил в темноту. Если бы кто-нибудь захотел в эти минуты увидеть в его лице удрученность, борение чувств, гнев, оскорбленность, он был бы разочарован. Лицо Вити было просветленным.

Оказавшись в очередной раз в своем дворе, он обнаружил, что у Матафоновых светится только одно окно, на кухне. Вите даже показалось, что за занавеской мелькнула тень самого Матафоновых. Поднявшись на третий этаж, Витя нашел нужную дверь, постоял перед ней, не то в растерянности, не то в неуверенности. Глянув на свои размокшие ботинки, он обнаружил, что один шнурок был словно изжеван, на пальцах оставался песок, но Витя был терпелив. В конце концов, затянув узел, распрямился, вздохнул глубоко и нажал кнопку звонка. Он позвонил длинно и уверенно, как человек, который знает, куда он пришел, знает, кто его встретит, как встретит.

Дверь открыл Матафонов – спортивного вида молодой человек, но с брюшком, лицо его было дерзкое и насмешливое, недавно вымытые волосы падали на лоб, на Матафонове был синий тренировочный костюм и домашние шлепанцы. Он выглядел лет на пятнадцать моложе Вити, гораздо красивее, ухоженнее. Матафонов знал гостя по дворовым субботникам и как слесаря, который обслуживал этот дом. Как-то Вите пришлось чинить сантехнику в квартире Матафоновых, и с тех пор они здоровались: Витя – с уважением к большому человеку, начальнику треста, Матафонов – с подчеркнутым уважением, на случай, если снова что-нибудь случится с унитазом. Сейчас он удивился, увидев сантехника в тяжелом пальто и берете, из-под которого торчали мокрые светлые волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.